

УДК 1(091)(470)

Русский философский ренессанс и проблема поиска пути исторического развития восточнославянской цивилизации

Романов О.А.

Учреждение образования «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», Гродно

В статье рассмотрен феномен русского философского ренессанса в контексте поиска пути исторического развития восточнославянской цивилизации. Выявлены предпосылки его возникновения и развития, показано духовное состояние русского общества как фактора очерчивания предметной области философских исследований. Определено место сборника «Вехи» в системе творческих исканий философской мысли начала XX столетия. Раскрыто идейно-мировоззренческое содержание «Вех», продемонстрирована социокультурная обусловленность его проблемного поля. Особое внимание автор уделил реконструкции двух взаимосвязанных проблем: духовному состоянию интеллигенции и перспективам революционных преобразований общества. Показано, что веховцы резко негативно относились к возможности революционного переустройства социальной системы, полагая данный проект плодом глубокого духовного заблуждения, носителем которого в первую очередь является интеллигенция. В статье отмечено, что рассуждения мыслителей русского философского ренессанса о необходимости духовного просветления личности как залога прогрессивного развития всего общества являются весьма актуальными для современных восточнославянских стран, переживающих в начале XXI века глубокие социальные трансформации.

Ключевые слова: русская философия, национальная философия, восточнославянские народы, сборник «Вехи», революция, история, интеллигенция, нигилизм, атеизм.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 83–87)

Russian Philosophical Renaissance and the Problem of Questing for the Course of Historical Development of East Slavic Civilization

Ramanau A.A.

Educational establishment “Grodno State Yanka Kupala University”, Grodno

The article deals with the phenomenon of Russian philosophical renaissance in the context of questing for the course of historical development of East Slavic Civilization. The author reveals the premises of its origin and development, shows the spiritual state of Russian society as a factor of outlining of the subject area in philosophical study. Place of the Collected Articles “Vehi” (Landmarks) has been defined within the system of creative search of the philosophical thought of the early 20th century. Ideological world-view of “Vehi” as well as social and cultural stipulation of its problem area have been exposed. The author devoted special attention to reconstruction of two interconnected problems that is moral state of intelligentsia and prospects of revolutionary transformation of the society. It is pointed out that “Vehi” followers strongly opposed the possibility of revolutionary reorganization of social system considering realization of the project a result of profound spiritual delusion. The author develops the thought that the reasoning of the key figures of Russian philosophical renaissance on the need of spiritual enlightenment of a person as an essential condition for progressive development of the whole society is highly timely and pressing for the modern Eastern Slavic countries that experience profound social transformations in early 21st century.

Key words: Russian philosophy, national philosophy, East Slavic peoples, the Collected Articles “Vehi”, revolution, history, intelligentsia, nihilism, atheism.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 83–87)

В начале XX века в России начинается духовное движение, получившее название русского религиозно-философского ренессанса. Его возникновение совершенно естественно и гармонично было обусловлено всем предшествующим развитием русской и мировой философии. В это время обнаружилась неудовлетворенность тотальным господ-

Адрес для корреспонденции: e-mail: oromanov@inbox.ru – О.А. Романов

ством позитивизма и марксизма, определявших культурный облик рубежа веков. Отрицание крайностей узко рационалистической философии было осуществлено на пути развития религиозно-идеалистического мировоззрения, позволяющего преодолеть односторонность позитивистской методологии и открывающему простор свободному развитию духа. У русской философии были все необходимые средства для решения этой задачи. К ним относятся: богатая традиция религиозно-философского творчества, не прерывавшаяся даже в петербургский период; повышенный интерес к метафизическим проблемам человеческого бытия; глубокая проработка метафизики всеединства, осуществленная славянофилами и В.С. Соловьевым. Вообще влияние Соловьева на русский философский ренессанс и поэзию Серебряного века трудно переоценить. Уже вскоре после кончины мыслителя его имя становится символом духовных исканий.

Еще одной причиной бурного расцвета философского творчества в России начала XX столетия стало нарастание апокалиптических предчувствий и ожиданий. Наиболее сильные и чуткие умы этой эпохи чувствовали приближение масштабных катастроф и нарастание трагизма истории. Это было время всеобщего беспокойства и духовного смятения. Как вспоминал позже Н.А. Бердяев, «было возбуждение и напряженность, но не было настоящей радости». Общее мироощущение было трагическим, наполненным смутными ожиданиями грядущих потрясений.

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла,
Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла, – предрекал
А. Блок.

Целью данной статьи является раскрытие теоретико-мировоззренческого содержания русского философского ренессанса в контексте поиска пути исторического развития восточнославянской цивилизации.

Материал и методы. Теоретико-методологическим основанием работы выступает цивилизационный подход к пониманию истории, предполагающий множество очагов историчности, каждый из которых самостоятельно генерирует импульсы собственного развития. Вторым основанием стал диалектический подход к анализу социальных явлений с его принципами развития, восхождения от абстрактного к конкретному,

единства логического и исторического. Избранная методология обусловила выбор историко-генетического метода, а также метода исторической реконструкции.

Результаты и их обсуждение. Поиски нравственного идеала на пути духовного обновения и легли в основу культурного феномена, названного русским религиозно-философским ренессансом. Здесь необходимо разобраться с происхождением названия. Во-первых, он означал возврат к самобытной русской религиозной философии после кратковременного увлечения в 80–90-х гг. XIX века позитивизмом и марксизмом. Можно сказать, что одной из важных тем русской философии этого периода было критическое переосмысление марксистских идей. Эта задача была блестяще решена рядом выдающихся русских философов (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, П.Б. Струве), которые, пройдя в юности через увлечение марксизмом, перешли на идеалистические позиции и подвергли марксистскую философию и идеологию глубокой критике. Она была тем более опасной для ее сторонников и носителей, что исходила от мыслителей, прекрасно знавших марксизм изнутри. Во-вторых, термин «ренессанс» использовался для обозначения расцвета отечественной философии начала XX века еще и потому, что по силе духовной мощи, по богатству полученных результатов он не только не уступал европейскому ренессансу XV–XVI веков, но и во многом его превосходил. Более того, европейское возрождение было глубоко противоречивым явлением, что прекрасно показано А.Ф. Лосевым в «Эстетике Возрождения», а П.А. Флоренский называл европейский Ренессанс «началом конца» западной культуры. Теоретически и мировоззренчески русский ренессанс имел совершенно иную направленность, что позволило получить и более крупные и более жизнеспособные результаты.

В начале XX века русская философия вступила в эпоху зрелости и «цветущей сложности», характеризовалась разнообразием оригинальных творческих достижений как рационалистического (А.А. Богданов, Г.Г. Шпет, Д.И. Менделеев, А.И. Введенский), так и религиозно-метафизического (С.Н. и Е.Н. Трубецкие, Н.О. Лосский, В.В. Розанов, Н.Ф. Федоров, П.А. Флоренский) характера. Особое место занимают авторы сборника «Вехи» (С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.Б. Струве), о котором речь пойдет ниже. Высокого профессионального уровня достигла университетская

философия, в том числе философско-правовая мысль (Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин). К этому надо прибавить также духовно-академическую философию, развивавшуюся в четырех духовных академиях – в Москве, Киеве, Петербурге и Казани. Достаточно сказать, что в Московской духовной академии философию преподавал П.А. Флоренский, «русский Леонардо да Винчи», как его называли впоследствии – универсальный гений в области философии, богословия, математики, естественных и технических наук.

Важно отметить, что русский религиозно-философский ренессанс был очень широким явлением общественной мысли, охватившим все ее проявления – философию, богословие, художественную литературу, поэзию, публицистику, музыку, результатом которого стал беспрецедентный взлет интеллектуального и художественного творчества. Ему сопутствовала столь же беспрецедентная социально-культурная активность интеллигенции, выразившаяся в появлении разнообразных кружков, обществ и т.п., в проведении всевозможных диспутов, вечеров, собраний. «По своему духовному напряжению, по страстности исканий, по богатству принесенных им плодов период этот имеет мало параллелей в истории русской культуры», – утверждал известный исследователь русской философии С.А. Левицкий [1, с. 251].

Одним из наиболее значительных и замечательных культурных событий начала XX века стал выход книги «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (1909). Резонанс от выхода сборника был колоссальным. Достаточно сказать, что в течение 1909 года вышло пять изданий «Вех», а в печати с марта 1909 по февраль 1910 г. появилось 218 откликов на него. В 1909–1910 гг. были опубликованы пять книг, в которых дебатировалась проблематика «Вех», в России и за границей устраивались обсуждения сборника, а П.Н. Милюков предпринял лекционное турне против «Вех».

О чем свидетельствует грандиозный успех сборника и что он обозначает как веха (что значит «значковый шест», по В.И. Далю) в истории русской культуры? Прежде всего «Вехи» были «значком» того высокого уровня интеллектуального и общекультурного влияния, которого достигла философия в России начала XX века. Ведь «Вехи» – это не какой-то политический памфлет (от политики авторы сборника принципиально дистанци-

ровались), а философское произведение, замечательный образец вольного философствования, посвященного оценке своеобразия национальной психологии, мирозерцания русской интеллигенции, ее отношения к религии, философии, праву, морали. В это время была осознана «существенная оригинальность» (слова В.Ф. Эрна) собственно русской философской традиции, которая была открыта подобно тому, как в предыдущем столетии Н.М. Карамзин «открыл» русскую историю. Веховцы глубоко осмыслили эту оригинальность как в самом сборнике, подчеркнувшем особое значение религиозной философской мысли П.Я. Чаадаева, славянофилов, Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева, так и за его пределами.

Концептуальным центром сборника стала проблематика связи человека и истории, мировоззренческих оснований исторического процесса. Непосредственным поводом к такой постановке вопроса стало поражение революции 1905–1907 гг. Однако осмысление данной темы вышло далеко за пределы политической злободневности, превратившись в проблему культурно-философскую. Авторы «Вех» (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк) выступили против тех, кто, отрицая естественность и органичность исторического процесса, призывал сделать скачок «из царства необходимости в царство свободы». Веховцы осуждали радикальную интеллигенцию не за то, что они применяли неверные методы революционной борьбы, а за саму попытку нарушить объективный ход истории. Суть дела, как писал Струве, «не в том, как делали революцию, а в том, что ее вообще *делали*», подчеркивая, что смысл его утверждения связан именно с понятием «делание», выражающим волюнтаристское вмешательство в исторический процесс.

Веховцы совершенно не отрицали необходимости проведения реформ, соответствующих внутренней логике исторического процесса. Революцию же они рассматривали как насильственную ломку самой этой логики, подрыв и разрушение глубинных оснований общественной жизни людей. Этот тезис вытекал из историсофской концепции сборника, суть которой состоит в том, что история и культура есть объективация (выражение вовне) внутренних духовных ценностей личности. Поэтому решение задачи совершенствования общественной жизни должно своей исходной точкой иметь преобразование души

человека. Именно мировоззрение человека, содержание его внутреннего мира и иерархия ценностей есть подлинный источник исторического процесса. Другими словами, не отрицая наличие взаимосвязи между духовной жизнью и материальными социальными институтами, веховцы утверждали первичность сознания перед мертвыми формами социальных учреждений.

Все авторы исходили из признания самоценности внутренней жизни личности как творческой силы человеческого бытия, из признания, что именно она, а не самодовлеющее начало политического порядка является основанием для любого общественного строительства. Веховцы крайне негативно относились к нравственному релятивизму революционной интеллигенции, противопоставляя ему идею абсолютности моральных принципов, в которых виделись гарантии от всех видов духовного, а затем и политического рабства. В этом же и состоял один из упреков, высказанных в адрес интеллигенции: культивируя общественность, стремясь к улучшению ее форм, она упустила из виду личность, момент творчества и созидания, чем был нанесен серьезный вред культуре как процессу «самовоспитания» и объективации человеческого духа.

Значительная часть сборника посвящена анализу специфики восточнославянской интеллигенции. Повышенное внимание к этой проблеме неслучайно. Дело в том, что сознание интеллигенции, система ее убеждений и идеалов стала одной из причин революционных потрясений России. Интеллигенция обосновала необходимость революции, своим авторитетом освятила ее насилие и оправдала колоссальные жертвы. Веховцы отчетливо осознавали насколько деструктивным является такой тип мировоззрения и к каким пагубным последствиям он может привести. Поэтому они дали развернутую критику интеллигентского сознания и предложили пути его исправления. В первую очередь авторы «Вех» указали на «отщепенство» отечественной интеллигенции от народа, его быта и образа жизни. Субъективно желая блага народу, искренне стремясь ему послужить, в реальной жизни интеллигенция совершенно не знала его нужд и чаяний, зачастую имела превратное представление о подлинных потребностях народа. Такое положение дел приводило к выдвиганию интеллигенцией ложных идеалов и способов переустройства народной жизни.

Объектом критики стала и другая черта интеллигентского сознания – нигилистический морализм, в основе которого лежал пафос служения земным нуждам народа, идее своеобразно понятой социальной справедливости. Нигилизм означал подчинение любых высших ценностей интересам революционной борьбы, порождая «раскольничью» мораль с ее нетерпимостью и фанатизмом. Этот нигилистический морализм породил тип интеллигента, саркастически названный С.Л. Франком «воинствующим монахом нигилистической религии земного благополучия» [2, с. 364]. Так, например, интеллигенция предложила такое понимание истины, при котором она являлась лишь орудием общественного переворота, ибо «основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина, если от гибели ее народу будет лучше жить, если люди будут счастливее; долой истину, если она стоит на пути заветного клича «долой самодержавие» [3, с. 17–18]. В итоге в философских построениях интеллигенции не осталось места ни для свободы, ни для личности, поскольку и свобода и личность были подчинены целям революционной борьбы, идеям социального радикализма. Преодолеть это, считали авторы «Вех», возможно только через «смирение» перед истиной, иными словами, через признание ее самоценности, через освобождение духовного творчества от диктата политики.

Закономерным следствием нигилизма, утверждали авторы «Вех», являлся воинствующий атеизм интеллигенции, не принимающий ни религии (церкви), ни религиозного сознания в любом из его проявлений (в том числе и в виде академической религиозной философии). Исторически сложилось так, что восточнославянский образованный класс с «легкой руки» Радищева, Белинского, Писарева и т.п. формировался как атеистический – безбожие было краеугольным камнем интеллигентского сознания. Важно отметить, что крайне редко атеизм был следствием углубленной работы мысли и чувства. Как правило, он был следствием легкомыслия, малообразованности и внутренней пустоты. Совершенно точно данное качество интеллигенции определил Ф.М. Достоевский – «ну не верь, так хоть помысли». Это неприятие религии авторы «Вех» рассматривали как симптом бесперспективности интеллигентского сознания, невозможности построить на его основе сколь-нибудь жизнеспособную программу развития русского общества. Способом вы-

хода из кризиса веховцы считали покаяние – качественное изменение самих оснований мировоззрения. В религии – в «религиозной философии» (Бердяев), в «христианском подвижничестве» (Булгаков), в «религиозном гуманизме» (Франк) – виделось спасение интеллигенции, путь к преодолению отщепенства от народа.

Однако призыв к покаянию был осмеян интеллигенцией, а теоретические положения «Вех» встречены не разумным обсуждением, но резкой и, как правило, легковесной и бессодержательной критикой. Идеи «Вех» отождествляли с «православием, самодержавием, народностью», называли «кошунством», «мемуарами унтер-офицерской вдовы», «Цусимой литературы, аферизма и фарисейства». В советской литературе утвердилось презрительное прозвище, данное «Вехам» Лениным, – «энциклопедия либерального ренегатства».

Предостережения «Вех» не были услышаны. Интеллигенция, в полной мере сохранившая все свои качества, стала одной из движущих сил революций 1917 года. По итогам этих революций (буржуазной и социалистической) веховцы выпустили новый сборник «Из глубины. Сборник статей о русской революции», написанный в 1918 г. В новой книге еще раз была предпринята попытка убедить общественность в тупиковости переделки внешних форм жизни без предварительного изменения сознания. Авторы писали, что «положительные начала общественной жизни укоренены в глубинах религиозного сознания и что разрыв этой связи есть несчастье и преступление». Но это был уже голос вопиющего в пустыне. Услышать новые предостережения уже никто не мог по той простой причине, что тираж сборника был арестован и уничтожен большевистской властью. (Один экземпляр был вывезен Бердяевым в эмиграцию.)

Заключение. Название сборника стало пророческим. «Из глубины» – это первые слова одного из псалмов «De profundis»: «Из глубины к тебе воззвал я, Господи», который обычно исполняется при погребении. Сбор-

ник знаменовал конец русского религиозно-философского ренессанса. В 1922 году на кораблях «Пруссия» и «Обербургомистр Хакен» за границу в вынужденную эмиграцию была отправлена большая группа деятелей культуры, в том числе и практически все русские религиозные философы. Высылка была актом подрыва большевистским безнациональным интернационалом высоких достижений восточнославянской духовной культуры. Ведь русская философия, тесно связанная с православной религией и основами восточнославянской цивилизации, представляла «лицо России», лучшие образцы ее духовного творчества. Россия их потеряла, а Запад их неожиданно приобрел.

Сам акт высылки и ее разрушительные культурные последствия представляются как сбывшиеся предостережения «Вех». С.Н. Булгаков определил характер русской революции как интеллигентский, что верно не только по отношению к событиям 1905–1907 гг., но и к последующим переломам в восточнославянской общественной жизни, включая горбачевскую перестройку и ельцинские реформы. Плоды интеллигентской революции суть явления вненациональные, беспочвенные, никак не связанные коренными основами и традициями русской жизни, с христианской религией. Единственным перспективным путем для России, утверждали веховцы, является сохранение ее собственной духовной культуры и самостоятельное определение путей исторического развития.

Литература

1. Левицкий, С.А. Очерки по истории русской философии / С.А. Левицкий. – М.: Канон, 1996. – 496 с.
2. Франк, С.Л. Этика нигилизма / С.Л. Франк // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. – 606 с.
3. Бердяев, Н.А. Философская истина и интеллигентская правда / Н.А. Бердяев // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. – 606 с.

Поступила в редакцию 28.05.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.